

Виктор Балдоржиев

Покидая тысячелетие

Книга первая

18+

Виктор Балдоржиев
Покидая тысячелетие.
Книга первая

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Балдоржиев В.

Покидая тысячелетие. Книга первая / В. Балдоржиев — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5321-1804-1

Ничего лучше идеи, которая должна охватить и повести массы, не придумано для более или менее приличного устройства государства. Несомненно, что это изощрённый и более «справедливый» обман чем те, которые существовали до него. Тот самый золотой сон, навеянный человечеству безумцами. Ты обмани меня, но так, чтоб не заметил я обмана, - просит какой-то забавный поэт свою женщину, может быть, даже понимая, что он выражает суть идеи о всеобщей справедливости. Но что получается в итоге? Раз возникла нужда в перестройке, значит, идеология закончилась, пора подводить итоги. А какие они? Где проявляются? В Кольке Орлове.

ISBN 978-5-5321-1804-1

© Балдоржиев В., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Покидая тысячелетие	5
Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	15
Глава четвёртая	17
Глава пятая	22
Глава шестая	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Покидая тысячелетие

Повесть о том, как я роман писал...

Книга первая

Глава первая

Можно измерять жизнь днями, годами, веками.

Эта книга о том, как мы из второго тысячелетия входили в тысячелетие третье.

На острове штормит и всегда снег.

Валит и валит. Час, два, три... Всё время! Климат.

Двери подъездов давно завалены сугробами. Утром, как и многие жильцы этой хрущёвки, я вышел прямо из распахнутого окна подъезда между первым и вторым этажами. Шагнул сразу на утоптанную снежную дорожку и отправился на работу в редакцию.

В стране везде своя правда, в каждом районе газета называется «Правда». Поступил я в эту «Правду района» неделю назад, хотя вызов на остров получил в прошлом месяце, на материке, когда работал в другой «правде».

Какой-то чёрный столбик не успело завалить снегом, верхушка торчит. Копнул. Светофор! Шагнул в сторону и – ухнул в снег. Еле-еле достали прохожие. А ведь мог и остаться там. Говорят, и такое тут бывает. Собирают по теплу. Тем более, на острове водки – залейся, а на материке уже год сражаются с зелёным и ядовитым змием.

Квартиру я снял в таком месте. Дня через два пригляделся: везде дом завалены сугробами. Снег всё падает и падает. Кажется, ещё немного, и мы будем жить в подснежном царстве-государстве.

Мой наставник здесь – Барабаш. Звучит лихо, а толку пока никакого. Перспективы в нём для себя не вижу.

Дело в том, что с недавних пор, где бы я ни появился, у меня появляются наставники. Меня знают и будто ждут. Был в Амурской области – окружили, уехал от них в Острожский край, там другие объявились. Отправился в соседнюю область – обложили в первый же месяц. Рванул на полуостров, но тамошние наставники будто следили за моими передвижениями – вынырнули сразу. Или у меня мозги поехали? Или я больше других делаю? Один из наставников даже сказал: «Не работай за всех, не выпирай! Других не видно...»

Они, наставники, будто во всех редакциях живут. Только покажешься, сразу начинают опекать, как будто профилактику какую-то проводят или боятся, что кто-то опередит их в чём-то.

Территория наставников и советчиков.

И тогда я махнул от них на остров. Махнул. А тут – Нестор Барабаш. Имя сразу преобразует весёлую фамилию в смесь попа и Махно. Мой Барабаш – белобрысый и щекастый мужчина с брюшком, ответственный секретарь редакции, который отвечает буквально за всё хозяйство.

Осваиваю остров. Бельдюгу в кафе не ем, кукумарию тоже. Тут и без того всё вокруг йодом пропахло. Оттого один другого умнее другого. Наставников больше, чем на материке. Все рекомендуют не говорить начальству и другим о своих намерениях, как будто я рождён для того, чтобы докладывать о своих планах и мыслях.

Теперь с острова перебраться на материк намного труднее. Интересно как чувствовали себя здесь Чехов или Дорошевич? Впрочем, с чего это заинтересовался их чувствами?

Облюбовал я среди снежных переулочков и улиц кафе «Нептун». Хорошее место. Клиенты – глухонемые. Устроился под подобием пальмы в громадной кадке в углу громадного зала. Тишина.

За огромными зеленоватыми окнами кафе, толстые стёкла которых, наверное, никогда не мыли, падает и падает на город мохнатый снег. А в кафе – вкуснейший палтус, горячий кофе, а со мной общая тетрадь, которую я заполняю уже третий месяц. Ни одного наставника и советчика. Только глухонемые. Взгляд красноречивее слов. Столько там картин, историй и судеб! Ничего писать или говорить уже не надо...

– Азаров, ты сколько строк в месяц в прежних редакциях выдавал? – как бы равнодушно спрашивает Барабаш.

Ленивая и сытая после обеда редакция устраивает свои комплекции по креслам в кабинетах.

Я вернулся из «Нептуна», Барабаш – из соседней пельменной, говорит – три порции осваивает за один раз.

– Около десяти тысяч, – робко говорю я, удивлённый таким вопросом. Всё ещё думаю о последних предложениях в общей тетради. – А что?

– Никому не говори! Знаешь, что будет с тобой, если скажешь? – Яростно шепчет Барабаш, одновременно взлохмачивая свои кудри и плотно закрывая дверь кабинета.

Дело в том, что мне не нашлось места в других кабинетах, а ответственный секретарь Барабаш предложил столик возле своего громадного стола. У него просторный кабинет, даже диванчик в углу.

– Я тебе верю, хотя такого не бывает! Редактору говори – полторы, две тысячи. Это наши средние нормы. С твоими – мы все бездельники!

– Почему? – Любопытство моё растёт.

– По кочану! – Шипит Барабаш и смотрит на меня, как на идиота.

– Так это же естественно, – снова робко заикаюсь я. – У всех людей – дома, квартиры, семья, дети, свои заботы. А у таких, как я, одна забота – дело. У них много своего, а у нас – своего. Ещё Горький писал: «Они – своё, а ты – своё!»

– Ох и наивный ты, как я погляжу! Ты же не Горький! – Кипит и шипит Барабаш, снова взлохмачивая свою шевелюру. – В редакции такое не брякни. Своё, своё... Наше всё. И ты – наш.

Вот как сказать, что я никакой «не наш»?

– До квартиры далеко добираться и всё по снегу. Можно, я буду в редакции ночевать? Диван есть, машинка пишущая на месте.

– Может быть, тебе заодно и ставку сторожа пробить?

– Можно! – Настроение моё взлетело,

Барабаш сразу стал ближе и понятнее всех глухонемых «Нептуна». Перспектива замигала. И голос его нормализовался...

Всё получилось: я – живу в редакции, как и должно быть. Вот теперь можно написать роман, о чём и мечтал последние пять лет.

Город залит тускло-жёлтым светом, сквозь который, наискось, лениво и обильно, падает мохнатый и мягкий снег. Теперь я с нетерпением жду 6 часов вечера, когда народ отправится в свои квартиры, к своим заботам. А я сяду за «Любаву» – лучшую пишущую машинку. И отправлюсь на материк...

И это ожидание времени, когда народ отсидит на местах своё время и повалит по своим делам и домам, укоренится во мне на всю жизнь. Ведь после этого настанет моё время, народ как бы освобождает для меня место и время – живи и работай. Это почти 16 часов!

«В час, когда горячий желток солнца приближается к черте горизонта и начинает разжигать малиновый пожар заката, когда деревенские пастухи в бронзовеющих лучах его гонят по мягкой дорожной пыли ленивое стадо коров, – в тот час у свежeweыбеленной штaketной калитки, из-за буйной поросли тополей и черёмух, появляется полная и рыхлая старуха.

Деревня зовёт её Известией. Простоволосая, в заношенном ситцевом платье, она ждёт племянника Кольку. В это время, как по расписанию, из дальнего переулкa выскочил трактор с вихляющим в разные стороны прицепом. За рулем – Колька. И видит он в качающееся лобовое стекло штормящий материк, на котором стоит его весёлая деревня Сосновка.

– Бабы, убирайте ребятишек, Колька едет!»

Так я начал делать свой социальный статус, на который подвигли меня тетя Белла, в девичестве Шарланова, и её супруг – писатель Баржанский. Поскольку жизнь показала, что университеты и институты для меня совершенно не подходят: из первого меня попёрли сразу за драку, а во-втором моё недоумение преподавателями настолько затянулось, что стало благоразумным оставить это заведение, пока во мне ещё оставались капли рассудка. Потом потекли из всех щелей слухи, что я отмечен в органах в качестве социально опасного элемента. А я ещё удивлялся: с чего это начальство от меня морды воротит? Неужели нутром чувствуют мою бесполезность и опасность?

Однажды в Байкальске, куда я отправился в гости, писатель Баржанский, разливая по стаканам «Московскую», объявил, что он хоть и расстался с моей тётей Беллой, но это никоим образом не означает расставание со всеми Шарлановыми, особенно – с Витькой, в которого он верил с момента его рождения. Вера советского писателя – это создание романа, объёмом в силикатный кирпич, который навек даёт человек социальный статус и все прилагаемые к нему блага.

На самом деле тётя Белла вынесла за дверь квартиры чемоданы супруга, за ними и самого Баржанского. И он благополучно переселился в драмтеатр Байкальска, где работал режиссером.

Выслушав Баржанского о возможностях социального статуса, я отправился, навеселе, к тете Белле, где меня начало кидать и выворачивать под рёв двух тигриц – самой тётки и её дочери, моей двоюродной сестры Дины, которым уже порядком надоел пьяный Баржанский, которого они еле-еле спровадили до драмтеатра. А что будет, если и Витька станет таким же, если уже не стал? Но наутро тигрицами было подтверждено мнение изгнанного супруга и папы Баржанского, хотя ни одним словом я не упоминал его имя: мне действительно, необходим социальный статус.

В общем, со всех сторон выходило, что выжить в этой качке, именуемой океаном жизни, я смогу только заработав единственно возможный для меня бонус – социальный статус. То есть, написав роман объёмом в силикатный кирпич. Намыливая рожицу, я намеревался спросить: «А с красный кирпич не подойдёт?» – но у меня так трещала башка, что воздержаться от всяких речей и споров было практичнее.

С тех пор прошло пять лет, социальный статус в руки социально опасным элементам, каковым я числился в органах, сам не идёт. Такого вообще быть не может. Но у меня нет другого пути. Тут какой-то противоестественный клубок, где сплелись – сама цель и все препятствия для достижения этой цели.

И вот на острове, в окружении холодного океана и пробуждающейся теплоты Барабаша, я пытаюсь распутать этот клубок, строча на «Любаве» повесть о спивающемся русском мужике, которому, на мой взгляд, намного лучше жилось бы при крепостном праве. Фигня, конечно. Но не мне вертеть колесом истории...

– Что ты убиваешься, Полина Андреевна! – говорит одна из старух. – Образумится же он когда-нибудь.

– Когда? – вздыхает Известия».

Глава вторая

Ничего себе, вымотал меня этот Орлов. Уже четыре утра. За окном снова начинается циклон. Как бы я утром добирался до редакции? Хорошо тут – третий этаж, окна не завалены.

Жёлтые огни города мерцают из снежной круговерти. Сегодня редактор подпишет приказ: я буду не только корреспондентом газеты, но ещё и сторожем. Могу жить здесь почти на законных основаниях! Лучшая пишущая машинка «Любава» всегда будет под рукой.

Что же ещё было на материке с этим Орловым? Впрочем, пока его надо оставить в покое. Я же тогда остановился на браконьерстве и охотничьих домиках бонз, из-за которых в меня стреляли три раза. Надо успеть набросать картинку. Как же звали того бандитёнка? Или у него не может быть имени. Только погоняло. Мордатый?

«В столовой гуляло начальство.

Водители возле машин разбирали оружие.

– Сколько у тебя, разиня, патронов? – Мордатый чистил боевой карабин.

Возле машин валялись в беспорядке серо-зелёные охотничьи рюкзаки, спальные мешки, дождевики, болотные сапоги и прочее снаряжение.

– С полсотни автоматных осталось. Из тех, что капитан давал, – помедлив, ответил Кирюха, завистливо смотря на большие окна столовой, где мелькали тени и всё оживлённое становились голоса.

– Хватит, – удовлетворённо кивнул Мордатый. – Ночью выезжаем... Тут сам Первый хочет прокатиться до Марьиного лога, там дивно зверя. Мезгирь с Алиханом, поди, заждались.

На деревню надвинулись сумерки. Нагревшаяся за день земля отдавала тепло и парила. Вспыхнули в окнах жёлтые и голубые огни».

– Так, так... «голубые». Вставай, ты чем тут всю ночь занимаешься?

Я вскочил с дивана, как испуганный солдат перед генералом. Будил Барабаш. От него пахло свежим снегом. Уже девять утра.

– Роман пишу, Сергей Нестерович!

– Роман? О голубых? Не вздумай кому-нибудь сказать. Даже не представляешь – что может быть, если узнают, что ты не только четыре нормы строк выгоняешь, но ещё и роман пишешь! За десятерых работаешь. – Но почему-то сегодня Барабаш был весел, хотя, видимо, снова весь город завалило снегом по самое не могу...

– Сергей Нестерович, может быть, меня вообще устроить сторожем? Остальное я доберу гонораром. Всё равно под псевдонимами пишу.

– Ты думаешь? Мужик ты толковый. Но не могу понять – зачем в сторожа рвёшься? По моей подсказке или сам хочешь?

– Так лучше будет...

– Ну, ну, – развёл руками Барабаш. – Сторожей у нас нехватка. Ладно, иди на «Бумажник», материал оттуда нужен...

Так и знал: город завален снегом, ходить надо только по тропинкам. С острова на материк идёт очень много бумаги. Производство ещё со времён японцев фурычит. И куда столько бумаги людям? Кого и в чём надо убеждать, когда поголовно убеждены...

После грохочущего цеха в «Бумажнике» кафе для глухонемых – рай. Тишина. Палтус, кофе, тетрадь. Понимающие взгляды редких клиентов.

Говорят, что тайфун выбросил на берег судно японских рыбаков. Наверное, Ильич не устаёт фотографировать. Он недавно на острове, прилетел по-моему вызову и сразу устроился фотокором в редакцию соседнего городка.

Без вызова сюда попасть невозможно. Мне, например, организовали знакомые журналисты, а Ильичу – вызов отправил я. Мы с ним вместе работали на материке, в районе, который находился у самой китайской границы. Не знаю какими «штормами» туда выбросило Ильича, но раньше он работал в геологии. Иногда мне казалось, что в СССР нет места, где он не был. Убедился я в этом во время просмотров телевизионных новостей. Что ни покажут, Ильич там был. Однажды шла передача о варанах в Средней Азии.

– Ловил я варана, надо опасаться, чтобы хвостом не ударил, – заявил Ильич как о самом обыденном случае в его судьбе.

Или – передача о нефтяниках Сибири, какой-то посёлок, а он:

– Во-во, чуть дальше за углом будет хлебный магазин...

Когда я прилетел в этот район, то Анатолий Мельниченко, то есть Ильич, уже работал там. Но в журналистике был слаб. Кешка Чижов, редактор газеты, поручил мне натаскивать Ильича.

Через месяц фотоаппарат будто прикипел к его груди. Когда он заходил в магазин, то очередь расступалась. Перед ним или фотоаппаратом неизвестно...

Сейчас Ильич, наверное, не отходит от Татарского пролива. Надо бы вырваться к нему, пока он опять не напроказил. Ведь он, как и я, не признаёт никаких наставников, но если надо учиться делу, то не отстанет. И ко мне он привязался из-за учебы. Увидев, как я печатаю на машинке вслепую, он онемел, а потом воскликнул:

– Да ты прямо пулемётчик. Научишь?

– Ногами будешь? – спросил я в ответ.

– А что, можно и ногами научиться?

– Не важно чем, важно мышечную память разбудить!

– Замётано. Пробуждай!

– Сначала – разбор слов, потом – предложения, части речи...

– Разбирай!

Зря Кеша Чижов опасался. Ильич оказался обучаемым, что очень важно для любого живого существа. Не обучаемый – проблема для себя и общества. Так мы подружились с Мельниченко.

Чижов мой старый друг. Ему не требуется объяснять, что на работу меня надо зачислить сторожем, а не корреспондентом. Мельниченко долго не понимал – почему, человек пишущий и печатающий со скоростью человеческой речи, должен числиться в редакции сторожем? Чижову понадобились три бутылки водки для того, чтобы объяснить Ильичу категорию людей, значащихся как СОЭ – социально-опасный элемент. После чего Ильич тоже пожелал стать СОЭ.

В то время мы с ним жили в такой старой избе, что можно было подумать, что она несколько веков растёт из земли, а два окна, стоящие уже на разных расстояниях, дупла дерева, где живут мифические существа.

Так мы прожили год, а потом вылетели друг за другом на остров. Кто бы мог подумать, что из этой древней избы всего за год образуется прямая связь с ЦК КПСС, что в район полетят самолёты с наставниками из области и Москвы?

А когда начались суды, я позвонил знакомым. Первым на остров вылетел я, через месяц – Ильич. Я повёз его в городок и на берегу Татарского пролива прокричал сквозь грохочущий прибором ветер:

– Всё кончено, Ильич! Тут не будет наставников.

Но мы не рассчитали. Наставники были. Надо было лететь дальше. На Хоккайдо? Говорят, что от того самого крутого бережка, откуда кидают камешки, до Японии всего полсотни километров.

– Забудь обо всём, Витька! Пиши свой роман, – прокричал Ильич и обнял меня.
Так мы и стояли с ним на берегу шумящего Татарского пролива.
Может быть, в то место и выбросило вчера японское судно?

Видение исчезло, вернулась тишина кафе, фикус, палтус. И, как дополнение к ним, потрёпанная общая тетрадь. В дальнем углу парень и девушка оживленно беседовали жестами и укладкой, не назойливо, посматривая в мою сторону.

Надо набросать пару материалов о бумажной фабрике. Чему удивляются все эти наставники и советчики? Они же не учились, как я, стенографии по системе Соколова и или слепому буквопечатанию всю жизнь. Я ведь не пишу, только набрасываю живые картинки. Могу – сразу на пишущей машинке, если нет – стенографией... В принципе каждый человек способен создавать живые картины. Возможности могут быть разными. Вот как общаются глухонемые, которые ходят в это кафе? Они передают пальцами целые фильмы и видят их!

Обреченность моя давно уже не пугает меня. Видеть или воссоздавать события я умел с детства. Помню, учительница не то в четвёртом, не то в пятом классе показывала репродукцию «Взятие Рязани», а персонажи картины в моём воображении неожиданно ожили, заговорили, затрещал пожар, изогнулась камнемётная машина. События оказались совсем не такими, какими пыталась втемашить в наши головёнки Екатерина Сергеевна. Она, наверное, и сама не представляла о чём говорит. Отец мой преподавал историю и рисование. Закономерное, впрочем, сочетание. И всегда начинал урок с оживления какой-нибудь репродукции. «Утро стрелецкой казни» часто являет мне ужасные события и бесчеловечность Петра Великого...

А потом мне стоило только подумать о каком-то событии, как оно мгновенно оживало и являло целые серии, где были реальные люди. Теперь я вижу маленький остров, где копошатся в завалах снега маленькие люди. Стоит подняться повыше, как возникает огромный материк, где весёлая деревня Сосновка с вечном пьяным Колькой Орловым. Но, если сфокусировать взгляд в другом месте, то появляется такая же несчастная Сосновка с таким же несчастным Колькой и уродливыми, зубастыми, чудовищами, готовыми поглотить весь материк с островом, которые сидят в бесчисленных кабинетах. И надписи «партком», «райком», «обком», «партком», «райком», «обком», «партком», «райком», «обком»... До Луны надписи!

Кто-то тронул меня за плечо. Испуганный, я очнулся: возле меня стоял худенький парень в больших очках, на полу лежали раскрытая общая тетрадь и ручка. Вздремнул что ли? Вот тебе и бессонные ночи сторожа редакции...

К парню подходила девушка. Она почему-то сочувственно смотрела на меня. Я собрал с пола разбросанные вещи и направился к выходу. Оглянулся и поблагодарил взглядом парня и девушку. Они улыбнулись и помахали мне вслед.

– Опаздываешь, сторож, – благодушно заметил Барабаш, когда я появился в редакции. – Ты никак выспаться где-то успел?
– По дороге.
– Как бумажная фабрика?
– Сейчас набросаю.
– Тут симпатичная корейночка убирается. Кажется, сегодня она высматривала тебя. Познакомься, – многозначительно посмотрел на меня Барабаш.
– Доведётся, со всеми познакомлюсь...

Наконец-то, дождался шести часов. Удивительно, но сегодня снега нет. Желтый свет не рассеивает летящая белая арахна. Я заварил по привычке совсем немного чифиря. Очень бодрит!

Итак, чем занят мой Орлов. И зачем мне эти видения?

Глава третья

«В уютном доме на белой, пахнувшей свежестырированным бельём и душистым мылом кровати, разметавшись, спит пьяный, вздохмаченный Колька Орлов. Водочный перегар густыми волнами исходит от него. Видимо, снятся ему кошмары: он испуганно вскрикивает, вдруг просыпается, садится на кровать и широко распахнутыми, обезумевшими глазами ищет что-то на потолке, пока усталость не валит его окончательно и наповал.

С белой стены, из большой застеклённой рамы, смотрят на него с фотографий мужчины и женщины. Простоволосые, в платках, в довоенных кепках, фронтовых пилотках. Миловидная женщина, с ямочками на щеках, ласково улыбается из-под чёрной вуали с мушкой. Строго смотрит сержант с двумя орденами Красной Звезды на коверкотовой гимнастёрке. Лихой кавалерист с пожелтевшей фотографии улыбается спящему, держа медноголосую трубу. И бант, и ордена на чёрно-белых фотографиях раскрашены красным карандашом. Рядом в большой раме, отдельно, цветной портрет двадцатилетнего и красивого Николая Орлова. Спящего...»

Ход «Любавы» мягкий, каретка ходит почти беззвучно, не мешает оживающим картинам. Я помню эту большую застеклённую раму, как и старый чёрный чемодан на крыше древней избы набитый фотографиями. Чемодан, весь вымазавшись в пыли и паутине, достал Ильич.

С фотографий смотрел громадный грузин в папахе и черкеске с газырями, а рядом с ним – простоволосая русская девушка в сарафане. Потом грузин стал уменьшаться, а на фотографиях двадцатого века он и вовсе превратился в русского. Черкеска исчезла вместе с кинжалом. Остался только поясок. Но возникло много русских парней и девушек в косоворотках и сапогах. А девушка стала дородной русской женщиной в окружении внучат.

Эволюция исчезновения грузина на фотографиях прослеживалась чётко: от черкески с газырями и кинжалом, до того момента, когда остался только поясок. За это время девушка стала дородной русской женщиной в окружении внучат. Появилось много русских парней и девушек в косоворотках и сапогах.

Смена трёх-четырёх поколений. Ильич потом выяснил появление грузин на Нерчинской каторге, двое из них остались здесь на поселении, женились и условно обрусели. То есть смешались с поляками, евреями, литовцами, русскими, некоторые женились на бурятках. В общем, стали частью Нерчинской каторги, по которой можно изучать судьбу или удел России, которые собраны здесь. Школы в бывших тюрьмах устроены, ничего другого не построили.

Чего и кого только тут не намешано.

Хотя бы в том же Орлове, который спит пьяный в грязной одежде на чистой кровати. Когда я впервые начал тему Орлова, то Мельниченко сказал мне, что в Кольке должны быть зыряне, коми, пермяки, новгородцы. Уж больно все они выпирают из этого Орлове вместе со всем населением Пелымского княжества.

– С чего взял? – спросил я тогда Ильича.

– Ну, нет в нём Европы, и славянства нет, Кавказ тоже не прослеживается. Ну, рыжий, белый. И что с того. Север Руси и вся Пермь в конопушках. А в Сибирь шли по Северам. Какой Ермак! Он только на виду и для вида. Тут без него ушлые люди до всего дошли.

Оказывается, довел всех нас до этой жизни юркий зверёк, за которым шли по многим направлениям. Соболь – валюта позднего Средневековья. На Западе кончили, ринулись на Восток. Валюта для шубохранилищ воевод и пропитания населения.

Вот и вся история!

Теперь я, сбжавший от наставников на остров из Острожского края, стучу и стучу короткими и длинными очередями на «Любаве», прослеживая историю Орлова из весёлой деревни

Сосновка, которая образовалась на Нерчинской каторге через двести лет после взятия Новгорода и Пелымского княжества московскими князьями, служившими Орде.

«Женщина тяжело дышит, откидывает со лба мокрую прядь светлых волос и снова склоняется над ванной, в которой стирает мужнину одежду.

– Угомонился твой ирод?

К невестке подошла Известия.

– Спит, – успела сказать Светланка и тут же, не выдержав, всхлипнула, а потом и вовсе зашлась в беззвучном плаче, комкая в руках грязную рубашку мужа. – Сил моих больше нет... Мне же в школе каждый день... ребятишки... Уеду я от него...

– Намедни на картах ему дорога дальняя выпала. И дом, – тут старуха наклонилась к молодой и выдохнула, – казённый дом-то!

– Ой, не надо, тётя! – подняла заплаканное лицо женщина.

– Разум у него мутится с винища. Бабы говорили, в Павловке одна своему мужику куриного помёта намешала с водкой. Тот неделю рыгал, посинел весь. Думали – помрёт, а он ожил и бросил пить. Может быть, попробовать, а?...

В один из дней Орлов был трезв. С утра заявил, что бросает пить. Вот и не пил уже полдня.

– Серёжку Журавлёва в Афганистане убили. Как же так? – Светланка вопросительно смотрела на мужа.

– Не выдержат старики. У них и старший там, наверное, уже капитан, ротой командует. Жалко Серёжку и стариков жалко, – выдавил Колька.

– Как же матери-то дальше жить? – заговорила тётка, чистившая на ужин картошку. Глаза у неё увлажнились, и голос неожиданно задрожал. – А бабы говорят – пять тыщ Журавлёвым военный министр отвалит. Да деньги разве заменят сына?

– Ты, тётка, наслушаешься бредней и носишься с ними. Подумай, старая, что говоришь-то? – Колька вскочил с табурета и, пнув дверь, вышел вон из дома.

Поднимая сапогами пыль, Орлов, злой и ожесточённый, шёл в совхозные мастерские, где ремонтировал трактор, но его окликнули мужики, стоявшие у магазина.

Он остановился, задумал на минуту и подошёл к ним...»

За окном уже светало. Привычно валил снег. Пора заканчивать с литературой. Надо срочно умываться, приводить себя в порядок. Скоро появятся в редакции люди. На работу придут... А мне надо ещё в командировку съездить, пару материалов набросать. Скоро один буду газету заполнять. Вот тогда-то и заговорят о моём увольнении. Надо бы заранее новое место подыскивать...

Глава четвёртая

Все в редакции привыкли, что на всех четырёх страницах – мои материалы, да и район, чувствую, привыкает. Скоро один буду газету заполнять. Вот тогда-то и заговорят сотрудники о моём увольнении. Почему такие маленькие газеты на столь большие коллективы? Ведь любую «Правду» – района, области, края может делать один-два человека. Ильич эти газетки называет носовыми платками.

Надо бы заранее новое место подыскивать...

Как же я тогда напишу роман о том, как умирает Советский Союз? Хотя, прежде, надо изобразить, как он появился. Возможна ли такая панорама? Ведь там вся история 1/6 суши, названной от варяжского слова Русь. Вот двинулся с места какой-то норманн и, пожалуйста, – спорь, не спорь, но империя случилась и втянула в свою орбиту всех, кто был на расстоянии досягаемости центробежной силы.

Вот тебе и роль личности в истории. Колька Орлов и варяг.

Редактор, догадавшись, что механизм работы организации совершенно не требует его вмешательства, подался вместе со своей супругой, числившейся в одном из наших отделов, на материк, навестить своих стариков. Теперь хозяин редакции – Барабаш. И он отпустил меня в прибрежный город, где маялся в ожидании меня одержимый перестройкой Анатолий Ильич Мельниченко.

Народ называет этот японский дизель-поезд, который ходит по японской же колее вдоль побережья Татарского пролива, «Серая лошадка». Кстати, очень приличный транспорт. «Лошадь» бывает утренней и вечерней. Одно неудобство – сделан дизель для японцев и под японцев. Нашему человеку надо приспособливаться под свои параметры.

А какие параметры у нашего человека? Если в нём больше европейского, то есть славянского, он растёт ввысь, а если больше азиатского, то есть окраинного, то – вширь. Представьте, что эти показатели балансируют? Но дизель-поезд не меняется ни ввысь, ни вширь. А сами японцы меняются?

Не знаю, из кого состоят японцы, но знаю, что мы состоим из множества, которое чаще всего растёт во все стороны одновременно. Множество, которое всегда и всё́м недовольно, на все вопросы отвечает вопросом. Множество себе на уме...

Насколько я спрогнозировал начавшиеся социальные изменения, почему-то названные «перестройкой», жрецы человечества собираются нас расчеловечить до основания и дальше. Выпотрошить всё содержание и оставить только формы. Согласно их замыслу должны остаться одни инстинкты. Тем более, всё руководство, начиная от простых бригадиров и заканчивая членами Политбюро, давно готовы хапнуть державу по кускам. Они и без этого чувствуют себя настоящими хозяевами всех закров Родины. А если закрома растащить по домам?

Но без замены содержимого в человеке инстинктами это невозможно сделать. Значит, такая замена должна произойти обязательно. Писал, писал этот летописец Нестор о том, как славяне, устав от бардака, просили варягов. «...и они взяли с собой всю русь и прибыли сюда...» И брали с каждого очага по беличьей шкурке. Всего-то за порядок? А без варягов снова будет бардак? Маргарет Тэтчер надо звать. Жаль Улофа Пальме убили. Какой норманн был!

Дизель есть дизель. Хоть немецкий, хоть японский всё равно припахивает солярой. Зато, какие пейзажи открываются! Слева – заснеженные горы, густо поросшие лесом. Справа, сливаясь с горизонтом, тёмно-синяя даль Татарского пролива. Из тумана появляются, как игрушечные нефтяные вышки, контуры сухогрузов и танкеров.

Мне бы смотреть и любоваться пейзажами, но вместо этого начинаю думать о ширине японской или нашей колеи, количестве японцев, варягах, 862 году, Несторе, Рюрике, Синеусе, Труворе, Улофе Пальме, Кольке Орлове. Причём здесь он? Или есть прямая связь с варягами и наши «кингсбладами потомками королей»? Какой сейчас год? 1986? Даже вздремнуть не могу! Сколько мы едем?

Вот как остановить этот поток, прыгающих, как тысячи обезьян, мыслей? «Забудь о всякой чертовщине! Ты же не Ленин!» – сказал мне позавчера Барабаш, когда я сообщил ему, что Христофор Колумб не курил. Мельниченко поддержал бы и развил разговор, да ещё обвинил бы Колумба в отравлении половины человечества.

А вот и он! Прибежал на перрон, ждёт меня.

– Японцев с рыбацкой шхуны видел! Их в нашей общаге поселили, охраняют, – прокричал он мне, когда я вышел с толпой народа из вагона. И это вместо «Здравствуй»?

Седой, худощавый, в куцей шубейке на холодном ветру, он вопросительно смотрел на меня сквозь свои толстые очки, которые делали его наивные глаза не мигающими и рыбьими. На берегу океана. Фотоаппарат, как и всегда, висел на ремешке и отблёскивал на солнце.

– Ну и какие они?

– У них вся одежда на кнопках и замках-молниях. Такую одежду у нас только фарцовщики продают, а они на работу одевают, – частил он по дороге.

– Слушай, какой сейчас год? – Неожиданно остановил я его.

– Ну, 1987-й, а что? Ты с этим романом вообще куда-то поехал. – Сочувственно сказал мой Ильич...

– Не стоять же на месте. Куда-то надо двигаться. Такси!

Такого автомобиля я никогда не видел. Неужели я сплю, что это за сон? Встряхнувшись, сгоняя оцепенение, я снова увидел прекрасные формы, сверкающую под солнцем белую полировку капота, багажника, хромированный бампер, немыслимые фары, колёса, ступицы которых были закрыты сверкающей штуковиной.

Приглашали садиться, а я будто онемел.

– Брат припёр из Японии, – объяснил мое недоумение водитель, когда мы с Ильичом всё-таки погрузились в мягкий и удивительный для нас салон такси. Я разглядывал кожу и бархат, какое-то приспособление возле водителя, откуда вертикального торчали две бутылочки и, по плоскости, наполовину открытая пепельница. Ильич нажал на какую чёрную кнопку и вздрогнул: стекло окна плавно стало открываться!

– Нажмите ещё раз, – посоветовал водитель, – закроется. Тойота. Самая популярная машина в Японии. У меня брат на базе тралового флота работает. Как они умудряются на этих суднах машины перевозить?

Ильич нажал ещё раз на кнопку, стекло поехало вверх и закрылось. Машина тронулась. Шума двигателя вообще не слышно.

– Для людей сделано! – неожиданно выдал мысль Ильич.

– Они всё для людей делают! – рассмеялся водитель. – Вы что, на окраине будет выходить?

– Ещё дальше! – весело сказал я, чувствуя в себе небывалую уверенность. – Дальше, брат, дальше...

– Но там уже погранзона. – Тревожно сказал водитель, смотря на ровный коридор дороги, по боком которой высилась невысокая снежная стена.

Справа – уходящий в туман океан, слева – заснеженные горы.

– До Лаперуза хотите дойти? – поинтересовался водитель. – А зачем вам неприятности? На Крыльоне вас задержат.

– Хочу пределы обозначить! – Рассмеялся я. В сознании смутно просыпались какие-то давние воспоминания: то степь до горизонта, то – тайга из иллюминатора самолёта.

– Сейчас всё меняется моментально, – рассказывал водитель. – Раньше я ходил в загранку. Много видел. Похоже, вся страна стремится за рубеж. Не советовал бы. С острова народ валом, как горбуша на нерест, прёт.

– Откуда вы родом? – спросил у водителя Ильич.

– Иркутские мы с братом. Сначала я на путину со стройотрядом прибыл, потом брата затащил. Через год его в мореходку устроил, а сам так и остался водилой. Остров – это маленький Союз.

– Так устроено в стране, что дома никто не может прилично заработать, обязательно надо куда-то ехать. Вот и ты сюда рванул из Иркутска. Бурлит Союз! – Живо заметил Ильич.

– Говна много, вот и бурлит! – рассмеялся водитель. – Дальше, мужики пешком. Тут до Крильона близко. Поаккуратнее. Не дай бог, циклон будет. Дальше – всё в камнях и морской капусте. Не соскользните. Обратно до Шахты дойдете, поезд – вечером.

– Спасибо, брат! Привет, Иркутску.

– Когда там буду. Не забудьте, Шахты, лошадка вечером.

Машина мягко остановилась.

Двигаться дальше не было смысла.

Мы сели на камни у берега и стали всматриваться вдаль. Говорят, что отсюда до Хоккайдо около пятидесяти километров. Смелчаки уплывали на лодке. Зачем?

Желания уходить куда-то ещё у меня уже не было. Исчезло желание. Никто и никуда меня не загнал. Сам сюда стремился.

На берегу копошилось несколько человек с удочками или спиннингами. Я уже привык, что на острове всюду на берегу люди. Обычно они ищут морских червей. Длинные чудовища, похожие на жёстких гусениц. Захватил с воды водоросли, разглядел на свету морских червей и бери. Поймать на них можно что угодно.

Кто-то ищет здесь жемчуга и кораллы, государство – нефть...

У самого берега ползла по мокрым камням какая-то красноватая каракатица, на которую даже не обращали внимания или не видели мужики, искавшие червей.

Зрение для слепых, у человека должно быть видение. Каракатица оказалась чудесным крабом. Это было прекрасное существо, обладающее, видимо, такими свойствами, параметрами, органами, которые никогда не разгадает и не сможет подчинить себе человек... Вся земля, её недра, воды, глубины пронизаны существами, имеющими миллионы неведомых грубому человеку нервных окончаний, которые соединены со всем мирозданием.

Почему же мы оторваны от них и бесконечного космоса? Что я ищу на этой Земле с этим пьяным Колькой Орловым, который никак не может ожить в моей тетради и, наверное, умрёт вместе с материком, названным СССР, так и не успев осознать своей связи со всем миром? Но материк же не исчезнет от этого.

Белые птицы кричали над тёмной водой...

И этот загадочный краб, ползущий к океану, и фантастические фонтаны в туманной дали парящего океана, и плывущие чёрные точки гигантских существ, под которыми в немыслимой и страшной бездне морской воды мириады других живых существ, и мы, стоящие здесь с мужиками, и умирающие вместе со всеми, и рождающиеся, не зная об этом, миллионы других организмов на материке и островах – мы одно целое, нейроны мироздания... И никто из нас ни выше, ни ниже ни умнее и не глупее другого. Все – одинаковы. Что мне надо понять и пойму ли я хоть что-нибудь в этой бездне живых существ?

– Больше никуда не пойдём? Ты спишь?

– Нет, мой Ильич, не пойдём... Вообще, не высыпаюсь.

Все мы в мироздании одно целое. Нейроны вселенной... И никто из нас ни выше, ни ниже ни умнее и ни глупее другого. Я не делал открытий на побережье океана, впадая в очередной сюр или шиз, как Кандинский, который психиатр или Кандинский, который космический художник. Я бывал их родовом в доме. Сохранился дом!

Такие чувства, ещё не ставшие знаниями, живут в любом организме всё время, в каждой его клетке. Увидев ползущего краба и фонтаны гигантских чудовищ, показавшихся над бездной океана, мои чувства снова слились со всем, что есть и может быть... И даже крамольная мысль «Чей замысел?» подспудно не тяготила меня.

Что может тяготить человека, когда он сливается с космосом?

– Слушай, Борисыч, тут на рыбзаводе и плавбазе офигенные хищения, а на базе тралового флота – сплошное кумовство. Я тут насобирав кое-какие материалы, пять кассет плёнки отснял, – заговорил Ильич, когда мы шли на станцию.

– Знаешь, Ильич, может быть, бросим к чертям все эти дурацкие расследования? Пусть они воруют в своё удовольствие. Вообще-то я расхитителям материка должен сказать спасибо.

Сейчас, смотря с перрона на сгущающуюся темень вдали океана, можно и, наверное, нужно было так размышлять. Всему своё время.

– За то, что тебя чуть не убили, а однажды почти убили? – Глаза Ильча за очками-лупами стали ещё больше.

– Так из-за них же я отправился на остров! Из-за них смотрю на океан, из-за них я снова начинаю понимать что-то большое.

– Из-за них у тебя ничего нет.

– А что должно быть?

Уже вечером мы добрались до общаги, где жил Ильич. Снега на побережье и в городке было намного меньше, чем за хребтами, на другой части острова, где была моя редакция.

На самом деле жильём Ильича оказалась трехкомнатная квартира, в которой он обитал с двумя парнями из судоремонтного завода. Одного из них Ильич никогда не видел, поскольку тот болтался на каком-то судне вместе с этим судном. А второй парень работал механиком на заводе. Он оказался земляком Ильича, хотя его земляки – весь Советский Союз. Но некоторое время парень жил в Кухмистерской слободке Киева, куда однажды судьба завела и Ильича. По этой причине парень теперь считался земляком моего Ильича.

Он-то и ждал нас, нажарив большую сковороду камбалы.

Казалось, что вся квартира пропитана запахами жареной рыбы.

– Вот чудо природы: один бок чёрный, а другой – белый, смесь негра с блондинкой. Вкуснящая рыба! – похвастался он, ставя на стол своё угощение и нарезая большими, как на полевых станах материка, ломтями душистый хлеб.

От такое еды грех отгаскивать даже за уши...

Даже ночью здесь ощущается бездна океана, необъяснимая разуму толща воды, природа которой плавно переходит в природу суши, и оба они пронизаны и трепещут видимыми и невидимыми живыми организмами. И каждый из них хочет жить!

В комнате, где были кровати Ильича и его земляка, шла неспешная беседа, какая бывает после сытной еды.

– Анатолий Ильич, а вы когда в первый раз с революцией подружились? – Ехидно спрашивал парень из Кухмистерской слободки.

– Давно это было. Ещё при Хрущёве. Я ведь окончил зооветеринарный техникум. Отправили меня в пермские леса. Знаешь, там они богатые! – выдохнул своё фрикативное «г» Ильич. – Одного разу я разговорился зи старим, фронтовиком. – Ильич снова перешёл на русский. – Ты представляешь, он пенсию получал – 8 килограммов зерна в месяц!

Последнюю фразу он выкрикнул и замолчал. Через долгую паузу продолжил уже спокойно:

– Насмотрелся я на счастливую жизнь, и однажды написал письмо самому Хрущёву.

– И шо?

– Мне же ещё восемнадцати лет не было. Проболтался о письме знакомым. Испуг окружающих был сильнейший, все говорили, что меня посадят без права переписки. Старик даже посоветовал скрыться... Вот я и мотался потом по разным геопартиям.

– Чи не шукали?

– Да кому оно нужно письмо моё! – Рассмеялся Ильич. – Наверное, ещё с почты передали в органы, там где-то и лежит, наверное...

Утром мы втроём отправились на судоремонтный завод. Часа два я рассматривал, а Ильич фотографировал японскую шхуну, которую выбросило недалеко отсюда на берег. Испещрив стенограммой весь блокнот на судоремонтном заводе, я почувствовал, что желудок мой тоскует по камбале. Мы снова отправились в общагу, где снова жарили рыбу, которая, кажется, сама собой появлялась в холодильнике.

После обеда редактор Ильича, симпатичный кореец, наслушавшись от Мельниченко обо мне, предложил мне перевестись в их редакцию. Я обещал подумать. Вариант хороший, хотя...

Нельзя срывать с полпути: если я привык к глухонемым и кафе, к редакционной кушетке, а самое главное только в этой обстановке начал оживать Колька Орлов, то пока не надо нарушать равномерность процесса. Менять можно только тогда, когда почувствуешь, что меняется инерция.

– Смотри, японцы со шхуны! – воскликнул Ильич, готовя свой аппарат.

Оживленно переговариваясь между собой, они шли в сопровождении двух милиционеров и каких-то чинов из районной верхушки. Обыкновенные и необыкновенные люди: среднего и ниже среднего, не похожие ни на корейцев, которых я видел много раз, ни на китайцев, живущих на материке. Отдалённо они напоминали бурят или якутов, а, может быть, и тувинцев.

Конечно, их рабочая одежда была намного лучше нашей.

– Функциональная лапотина, – заметил Ильич. – У них всё функциональное.

– Мы с тобой видели пока только одну японскую машину, но это уже другая цивилизация!

– Для людей...

Глава пятая

Сбылась мечта – побросал камешки с крутого бережка. И вечерней лошадьёю, то есть дизель-поездом, прибыл домой. Просто! Сложно, когда не делаешь.

Никого в редакции, конечно, нет. В кабинете чисто. А у меня жареная камбала в кофре. Сейчас Чайковского и – за Достоевского! Что у нас в Сосновке... Ах, да – природа Нерчинской каторги. Странно, почему я всё время попадаю в каторжные места?

Иди сюда, «Любава», будем работать...

«Над Сосновкой хлынул долгожданный проливной дождь. С треском, раскалывая небо, ударил гром, полыхнули молнии в чёрном, дымящемся тучами небе. И началось! Мутные, пенистые, ручьи, торопясь, побежали вдоль обочин, наполняя их. Улицу на окраине деревни размыло за какие-то полчаса. В бурлящем холодном потоке по оврагам плыли, крутятся и переворачиваясь, старая обувь, доски, дохлые овцы и собаки из скотомогильника, исковерканные заборы и какие-то ящики. Деревня враз сникла и ослепла в этом шумящем дождевом крошеве. Пахло густо пресной водой и мокрым, разбухшим от дождя деревом.

С короткими перерывами ливень лил неделю. Берега Серебрянки размыло. Обмелевшая в засуху, она ожила, забурлила, вода подошла к самым плетням, а потом неудержимо хлынула в огороды. Вадим Кулагин поймал огромного, занесённого бурным потоком, сома прямо у себя во дворе. Жадным везёт...

В некоторых домах топили печи. Матерились женщины – размыло грядки, залило стайки, погрёба, о картошке нечего было и думать.

– Осенью всё будет под закуп. Заставят сдавать картошку, а где мы её возьмём? – сокрушались Полина Андреевна.

Крепкие запахи разжиженного навоза растворились в пресных запахах дождя. Жизнь изменилась, показалась другой стороной, хотя мужики в деревне привычно и безостановочно пьянствовали. Правда, выглядели посвежее и повеселее. Будто их всех разом обмыли.

Когда ливень внезапно прекратился, из-за пелены плывущего к лохматым, холодящим облакам тумана, показалась деревня – залитые лужами кривые улицы, тополя с отяжелевшей и взлохмаченной листвой. Крыши, крытые железом и шифером, парили.

Время неспешно потекло дальше, и жизнь пошла своим чередом...

...чередом... Всегда и всё идёт своим чередом, только человек не устаёт пытаться нарушить этот черёд. И никогда у него не получается. Замысел не его. Не перечь! – говорят неизвестно кому с неба... Так, ещё раз Чайковского и – за Достоевского. Интересно, доходил ли Чехов до Крильона? Ему надо было сначала побывать в самых глубинах Нерчинской каторги, как мы с Ильичом, а потом гостить на острове. Без этого как-то однобоко. А если ещё и камешки не бросал?

Как работают в колхозах? Можете рассказать, товарищи писатели, инженеры душ и знатоки жизни? Вам бы о войне писать. Но человек не только на войне херней занимается, но и в мирное время.

«В километрах восьми от деревни, в пойме извилившей и сверкающей под солнцем Серебрянки, бригада мужиков выволакивала тракторами из воды кошенину. Утренний свежий воздух сотрясали рёв двигателей, хриплые голоса мужиков. Мокрый дёрн податливо чавкал под колёсами и гусеницами, разлетался лохматыми комьями. Брызги воды и грязи попадали в кабины. Мужики промокли насквозь. Дело оказалось не столько трудным, сколько бесполез-

ным и выматывающим: надо было дотащить кошенину до бетонированной траншеи, которая почему-то была сделана на склоне сопки, да ещё на другой стороне. Конечно, сейчас траншея была залита доверху водой. Сено соскальзывало с отполированных стальных зубьев волокуш, свисала, нагруженная, с бортов кузовов и прицепов, падала обратно в грязь. Солёный пот мужиков смешался с пресной водицей.

В какую голову пришло такое решение, никто не знал.

Завязнув, два трактора и тупорылый «камаз» сиротливо застыли на залитой водой лугу. Махнув на всё и положив большие приборы на планы и начальство, механизаторы отправились в деревню искать водку. Орлов остался ждать у траншеи. Мужики решили просто: подогнать на обратном пути чей-нибудь «Кировец» и выдернуть из грязи завязнувшие тракторы и машину.

Ждал Орлов терпеливо, время проводил не без пользы. Разобрал пускач своего трактора, продул карбюратор, удалил нагар на свече и поршне, снова поставил всё на место. Затем разрезал хлеб и сало, разложил на газете нехитрую снедь и в ожидании мужиков безнадёжно заскучал, вспоминая армейскую службу, где однажды его, попавшего на «губу» заставили траншею, а другого солдата – идти за ним и закапывать. Потом он перетаскивал камни, а тот самый солдатик оттаскивал их обратно... Зато какие бицепсы накачали: хлеб, тушенка, рожки, тяжести, хлеб, тушенка, рожки, тяжести. Жизнь!

Свежо и ярко светило солнце, горбатились омытые и распаханые под пары склоны сопки, голубела река и озёрки в пойме, свежо зеленела степь. Живи и радуйся!

В это время на порожнем «ЗИЛ-131» подъехал парторг. Ещё весной он перевернул и сильно помял парторговский «Москвич» с будкой, прозванную в народе «воровк», и теперь разъезжал на грузовой машине.

– Остальные где? – крикнул он, высунув голову в окно двери и не выходя из кабины.

– За кахой подались. Видишь, сидим по уши в воде, – лениво ответил Орлов, прикуривая сигарету. Разговаривать с Тихоном не было никакой охоты: вот-вот должны были подъехать мужики с водкой, придётся тогда и парторгу наливать.

– Собирайся, Колька, поедешь со мной на совещание, – вдруг скомандовал Баторин. – Дело срочное. Тут ты ничего не высидишь.

– Какое ещё совещание? Ты бы других поискал. – Колька ожидал чего угодно, но только не такого приглашения. – Мужики должны подъехать.

– Передовиков, – нетерпеливо перебил его парторг. – От нашего совхоза десять человек затребовано. Разнарядка такая. Значит, десять и доставлю. Не задерживай.

Орлов обречённо вздохнул – этот доставит».

А зачем я написал «разнарядка»? Если написал, значит, в районах и сёлах повсюду мелькает это слово. Разнарядка, разнарядка... Кто же мне рассказывал: 1937 год и разнарядка? Тогда надо было арестовать из Сосновки 12 человек. Арестовали и расстреляли. По разнарядке. Столько не хватало району для полного отчёта по борьбе с вредителями и врагами Советской власти.

Вот тебе и разнарядка... Вздремнуть бы часика два до утра. А до обеда набросаю пару материалов из командировки. По разнарядке.

Получалось, что убивали именно по разнарядке. Что за народ! Пришла разнарядка из района – не хватает 12 человек, нахватили отовсюду эти 12 и увезли. Навсегда.

Теперь Орлова на собрания по разнарядке возьмёт...

– Ты уже всю газету заполнил, через край прёт! Вот почему японцы и живут хорошо, и дольше всех живут? – Возбуждённо говорил мне Барабаш перед обедом, когда я положил ему

на стол несколько набросок из командировки, среди которых была заметка о японцах, которых я назвал соседями.

– Другие люди?

– Люди все одинаковы по физической природе. А вот по мыслям... Японцы ни на кого не держат зла! – Заявил ответсекретарь. – На них атомную бомбу, а они – никогда не наносить вред человечеству, а ядерное оружие не производить, не обладать, не ввозить. Если на государственном уровне зла не держат, то человек и подавно.

– Другие люди! – Утвердительно и упрямо повторил я, смотря на Барабаша.

– Что ты заладил: другие, другие. Такие же! – Вспыхнул Барабаш.

– Какие такие же?

– Как все!

– То есть – как мы все, как ты, как я, как наш редактор, первый секретарь райкома? Мы не держим зла, и они не держат зла? Мы живём по сто лет, и они живут по сто лет?

– Что ты конкретизируешь. Я же в общем, – начал сдаваться ответсекретарь. – В пельменную пойдешь?

– Нет, я в «Нептун».

– И что тебя к глухонемым тянет?

– Другие люди, – рассмеялся я, выходя из кабинета...

Как всегда: кусок жареного палтуса с рожками, кофе и хлеб...

Все мы разные, думал я, чувствуя, что в мою сторону украдкой смотрят уже известные мне парень с девушкой.

В кафе, как и всегда, была тишина. За толстыми квадратными и зеленоватыми блоками, из которых было составлено огромное окно, мутно просвечивал город в белых снежных шапках, которые начинали уже оседать. А здесь был особый мир тишины и уюта. Каждый мог закрыть для себя створки этого мира, не теряя ничего, что оставалось за ними. Каждый живёт в своей раковине, а вне своего пространства, которая тоже имеет свои створки, он только обитает и питается.

Голова начинала клониться помимо моей воли и влипать в какой-то тёплый, ласкающий всё тело, туман... Может быть, и вся известная нам вселенная заключена в своей раковине? А мысль? Где находятся бесчисленные шифры и коды, которые человек заключил в одно слово мысль? Если одни расстреляют других по какой-то глупой разрядке только потому, что они видят друг друга, то всё невидимое не подвластно им! Разные... Насколько мы разные во своим возможностям или у каждого есть свой предел? Мы не – рабы, рабы – не мы? Можно ли эту глупость передать дактильной азбукой? Ничего не решают эмоции и всё подвластно числам? Эмоционален ли по своей природе Бог и кто он? Только число подразумевает сначала мысль, а потом – Слово. Замысел и Плод... Наоборот не может быть. Мы разные, разные, разные! Ничего похожего и повторяющегося. Тогда зачем держать на кого-то зло?

Вдруг всё разом рухнуло. Взорвался и разлетелся звон.

Упала тарелка с палтусом...

Кто-то осторожно трогал меня за плечо. Просыпался я трудно. Возле меня снова стояли парень и с девушкой. Открытая ладонь правой руки, под которой ладонь левой на их языке – помочь. Я дотронулся кулаком до лба и подбородка – спасибо. Те, которое говорят, что мы все одинаковые, подумали бы, что я собрался драться.

Они улыбнулись.

Тут раздалась звуки, нахально оскорбившие наше общение:

– Ты что, бездомный? Спать сюда приходишь? За тарелку будешь платить!

Из кухни неслась по залу толстозадая раздатчица в грязном белом фартуке. Парень с девушкой недоумённо смотрели на кричащую бабу. Женщина вряд ли бы так кричала и выражалась.

– всю харю изваюкал в рыбе, пол залил. Кто будет платить?

– Конечно, я. Вы не волнуйтесь. Сколько и куда платить?

– Три пятьдесят!

Вот и пообедал. Как быстро она подсчитала! Такую тишину нарушила баба.

– Тетрадку подбери, писатель! – Прикрикнула она, вытирая шваброй пол.

Заляпанная соусом тетрадь, с исковерканной судьбой Орлова, которого слишком рано освободили от крепостного права, а также моментами современности Нерчинской каторги и недавними впечатлениями, валялась рядом с осколками тарелки.

– Так ты ещё и говорящий мужик! – Продолжала браниться баба. – Жить что ли негде? Не в кассу, мне трёшку давай...

Ещё раз извинившись, я покинул кафе и растаявшую от трёх рублей бабу. Парень с девушкой улыбались и махали мне вслед. С ними всё было понятно без слов. А мы, говорящий мужик и говорящая баба, так и не поняли друг друга.

И всё же очень мало надо человеку для радости и даже здоровья. Бабе – три рубля, а мне – выспаться... У каждого своя разнарядка, на каждую разнарядку – своя правда.

Глава шестая

Снежные завалы медленно оседали и становились меньше, приземистее. Говорят, что снег растает только летом, а потом океан и земля будут нагреваться до осени.

Наверное, начиная с центров материков, все живое начинает видоизменяться в размерах до тех пор пока не станет на побережьях океана и островах гигантским. Хотя какие могут быть материки. Вода и суша – вот два места обитания всего живого. Существа, подобные нам, живут на маленьких и больших островах, куда вышли из недр океана.

Вся редакция уже явилась с обеда и, впечатав телеса в кресла и стулья, усердно работала. Как дотерпеть до конца рабочего дня? Кажется, я всю жизнь только и жду конца рабочего дня, когда все отправятся к своим семьям, детям, телевизорам, домашним делам и заботам, а я – останусь один и начну по-настоящему работать.

Мой дом – одиночество. Лучше всего в художественной мастерской, где никто не дожидается конца рабочего дня. Там процесс не прерывается. Толпа таких, как я, ненавидит и пытается растоптать. Я заметил это давно. Сколько ненависти пробуждалось в голосах жён, когда я беседовал с их мужьями на тему одиночества, в которой только и может родиться мысль!

Дети – потом. Но какими они будут!

– Ты опять в столовой уснул? Вымой харицу, соус запёкся! – Заботливо заметил Барабаш, когда я сел за «Любаву» и сдвинул каретку. – Оставил бы ты, Виктор Борисович, всякую херню и занимался бы только работой.

– А зачем тогда редакция? Чем народ будет заниматься? – буркнул я, вставляя бумагу в машинку.

– Вообще-то, ты прав. Но вид у тебя бледный, борец за свободу. Тебе на приём к докторам записаться надо...

Кстати, зачем рабам свобода, от кого их надо защищать, если они рождены пресмыкаться? Какое стремление к свободе, знаниям и культуре я видел за свою жизнь? А те, кого я видел, показывали пример только того, как не должен жить человек. Вся их жизнь со всем бытом и бытием – такой пример. Всё честное и справедливое, умное и возвышенное – их враг, ибо недоступно пониманию. Имея столько времени и пространства, так бездарно тратить жизнь, продолжая размножаться?

«А любовь к ближнему? – раздался из темноты голос доктора. – Гуманизм? Оставьте назойливые мысли, молодой человек. Они не для хирургии. Как рана?».

– Вот-вот, ты лучше здесь вздремни, а я дверь закрою и никого не буду впускать, – сочувственно сказал Барабаш, отдаляясь вместе со своим столом в какой-то ватный и вязкий туман за окном кабинета, пока не исчез совершенно.

Из этого же тумана появился улыбающийся доктор, который делал мне операцию. «Что важно для хирургии? Покой! А если мысли, как мухи роятся, книжку почитайте», – посоветовал он. И тут же на тумбочке появились «Золотой телёнок» и «Двенадцать стульев». «Выздоровливать надо в два раза веселее и бодрее, чем в нормальной жизни!» – Подмигнул мне доктор...

Поставив мотоцикл у крайней избы, я осматривал брошенную деревню, которая примыкала к протоке Аргуни, где был небольшой остров. Мне говорили, что таких деревень в тайге много. Заселяли их три с лишним века тому назад, и выселялись оттуда столько же.

Заезжал я сюда редко, пытаюсь всё дальше и дальше углубиться в тайгу, до последней деревни.

В глухой тайге, в долинах рек и берегов озёр, из зарослей кустарников, травы и бурьяна, смотрели пустые глазницы старинных казачьих изб, кое-где белели только остовы печей, иногда ветер скрипел дверями и калитками. И всё время казалось, что кто-то наблюдает за мной из этих домов или из-за деревьев.

Предки этих людей пришли сюда в середине 17 века. Наверное, из Новгородчины, Пельмского княжества, Севера Руси. Русские, зыряне, коми, пермяки. Сначала за соболем, потом – за серебром. Земля сплошь была унавоженной. Метра на два, а то и больше.

В конце мая из мест, где некогда были деревни, тянуло жилым дымком. Горел навоз. Старики не советовали заезжать в такие места. Можно было провалиться и сгореть заживо. Такое случалось с живностью, исчезали и люди. В этом каторжном краю они могли исчезнуть везде: в тайге, в старых штольнях, шурфах, шахтах, горящем торфе. Долины на всю длину и ширь буйно и густо зарастали ягодой. Случалось, я приезжал сюда с Викой. Ляжем в траву, а потом вся рубаха и белое платье Вики в кроваво-розовых пятнах ягод.

Вот уже три месяца я гонялся за партийными вождями области и района, которые в этих местах вольготно охотились, приезжая сюда со своими блядьми, гостями и охраной. На пятьдесят километров я насчитал три великолепно отделанных охотничьих домика со всеми удобствами. Но дичи не было. Говорили, что у этих хозяев России есть ледники и погреба возле бывших деревень, а оружие они прячут в других местах...

Всё сходилось: отсчитав тридцать шагов прямо на север от могильного креста, я наткнулся на вековую лиственницу, как и нарисовали мне на схеме местные мужики. Где-то здесь должно быть что-то наподобие схрона. Я только начал фотографировать, как глуже прозвенел выстрел, и на меня сыпануло корой дерева. Второй выстрел ударил меня в левый бок, третьего я не слышал.

Нашли меня лесники.

На третий день после операции доктор сказал: первое, что я спросил, когда очнулся: «Раб – это состояние? Тогда зачем его защищать?» А дальше уже пошёл разговор о ближнем и гуманизме...

Милиция шевелилась вяло, слухи распускали невероятные: чуть ли не беглый зек встретился со мной в тайге. Сомнений у меня не было: стрелял Мордатый, водитель первого секретаря, который и намекнул ему на отстрел врагов народа. Узнать просто: надо пустить слух, что первый секретарь имеет зуб на своего водителя якобы за его жадность.

Туман всё не рассеивался. Теперь вместо доктора там оказался Ильич. «Вот зачем ты, Ильич, с ними сражаешься? Аж с 1957 года!» «Живут они хорошо. Им – всё, а кому-то пенсия 8 килограммов зерна». «Что значит всё? Ты как Шура Балаганов!» «Вот, книгу я принёс».

Потом в тумане появилась долина Аргуни сплошь в моховке и голубике. Вдали за рекой синели горы Большого Хингана. В ближних к берегу кустах белел памятник. Говорят, что там тоже была русская деревня...

Разбудила меня тишина большого здания. Редакция занимала третий этаж с торца пятиэтажки, куда было навтыкано множество разных учреждений и организаций. Но в эти минуты здание пустовало, и ощущалась в нём какая-то лёгкость. Облегчение или избавление. Или всё вместе.

Часы на столе Барабаша показывали 8:00. И сам я был сейчас точным и собранным как эти часы. Казалось, что в голове радостно позванивает, там работала невидимая никому электроника мозга.

Записка на столе. Начертано рукой Барабаша: «Отдыхай, отсыпайся! Забегу с утра. Завтрак занесу. Сергей».

Не фига себе! Завтрак он занесёт. Точно, сегодня же пятница. Впереди – два дня радости: никого не будет в редакции. На два дня редакция станет мастерской! А Барабаш ещё и завтрак принесёт. До утра можно спать.

И опять, как только принял горизонталь на диване, так сразу провалился в сон. Ещё немного добрать и можно садиться за «Любаву»...

«Совещание проходило в Доме культуры районного центра. Возраст посёлка определить было трудно. Дома второй пятилетки стоят тут полвека, а десятой – разваливаются на второй год. Народ в них жил разный. Но как бы не определяли, категорий получалось четыре: начальники и милиционеры, конторщики и бичи.

Ещё были живы очевидцы, которые рассказывали, что Дом культуры в конце двадцатых годов построили пограничники, разобрал для этого церковь и двухэтажный амбар какого-то купца, а заодно и дом его. С фасада Дом культуры подпирали колонны из крепкого, но не столь стройного, как хотелось бы, листовьяка, внутри же был сумрачный зал на двести мест и щербатый пол, выгнутый в некоторых местах и скрипучий. Невозможно думать о красоте и гармонии, строя и отбиваясь днём и ночью от нападений владельцев строительного материала и прихожан церкви. Три раза за время строительства оскорблённые и ограбленные новыми властями люди поджигали будущий очаг культуры, но, в конце концов, он был достроен. Иностранцы тела и чуждые элементы частью перестреляли, частью отправили на стройки народного хозяйства вместе с престарелыми родителями, жёнами и малыми детьми. И зажил после этих событий трудовой народ вольготно и сытно, и удивительные произошли в его жизни перемены.

Сюда и привёз на колхозном автобусе парторг свою делегацию, собранную по разнарядке. Прохладный и сумрачный зал быстро наполнился гулом. Всего собралось человек восемьдесят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.